

Особенности функционирования клитик в каринтийской группе диалектов словенского языка

МАРИЯ М. ГРОМОВА

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Филологический факультет, Москва, ул. Знаменские сады, д. 7, к. 2, кв. 298,
RU – 117628, Москва, marija.gromova@list.ru*

Članek obravnava skladenjske značilnosti zaimenskih in glagolskih naslonk v vseh narečjih koroške narečne skupine. Zaradi perifernosti skupine so ta vprašanja še posebej zanimiva. Naš cilj je s pomočjo statistične metode določiti pogostost vsake značilnosti rabe naslonk in hkrati ugotoviti, katere izmed njih so za slovenščino arhaične, katere pa so inovativne.

The article examines syntactic features of pronominal and verb clitics in all Carinthian Slovene dialects. Due to the peripheral character of these dialects these issues are particularly interesting. Our goal is to determine the frequency of each feature of clitics use and at the same time to figure out which of them are archaic and which are innovative in comparison with the standard Slovene language and Central Slovene dialects.

Ključne besede: koroška narečna skupina, naslonke, besedni red, narečna skladnja, statistična metoda

Key words: Carinthian dialects, clitics, word order, dialect syntax, statistical method

Каринтийская группа диалектов расположена на северной границе словенской языковой территории и представляет собой узкую полосу, вытянутую с запада на восток. Она включает зильский, рожанский, подьюнский, обирский, межицкий и севернопохорско-ремшникский диалекты. Ядром каринтийской группы считается рожанский диалект, наиболее архаичным диалектом группы – подьюнский (Logar 1996a: 221). Краньскогорский субдиалект зильского диалекта является смешанным каринтийско-гореньским говором и, как будет показано ниже, в синтаксическом плане демонстрирует значительные отличия от остальных диалектов каринтийской группы.

Как на любой периферии, имеющей минимальное или затрудненное общение с центром языковой территории, в каринтийских диалектах наблюдается, во-первых, консервация ранних этапов языковой системы, более медленное развитие новых явлений, уже последовательно реализовавшихся в центральных диалектах; во-вторых, влияние со стороны языка-соседа (Logar 1996b: 218), а именно баварских диалектов немецкого языка, с которыми словенские каринтийские диалекты активно взаимодействуют уже более тысячи лет.

Предмет нашего исследования – особенности расположения синтаксических клитик в каринтийских диалектах. Наша задача – определить частотность каждой отмеченной особенности порядка слов (что в сопоставлении со статистическими данными других диалектов поможет в будущем оценить их распространенность в лингвогеографическом аспекте) и установить, какие из них демонстрируют архаичность каринтийских диалектов, а какие являются местной инновацией.

Специальных работ, систематизирующих особенности функционирования клитик в каринтийских диалектах словенского языка, нет. Отдельные замечания о порядке слов в каринтийских диалектах на территории Словении содержатся в монографии словенской исследовательницы, академика Зинки Зорко «Narečna podoba Dravske Doline» (Zorko 1995a) и в ее статье «Besedni red v severovzhodnih slovenskih narečjih» (Zorko 1998e). Так, раздел монографии (Zorko 1995a), посвященный описанию пяти говоров севернопохорско-ремшникского диалекта (Чинжат – Ловренц на Похорью, Рибница на Похорью, Пернице, Ремшник, Капла) и одного говора подъюнского диалекта (Ойстрица над Дравоградом), содержит замечания о синтаксисе двух говоров из перечисленных шести. В говоре Рибницы исследовательница отмечает следующие особенности: (1) Глагольная клитика (вспомогательный глагол) может находиться в абсолютном начале предложения; (2) Последовательность клитик в кластере иногда отличается от обычной (Zorko 1995a: 79–80).

Для говора Ойстрицы же в синтаксическом отношении характерны: (1) Отсутствие вспомогательного глагола в форме прошедшего времени; (2) Глагольная клитика (вспомогательный глагол, обычно 3 лица) в абсолютном начале предложения, часто в сочетании с частицей *pa*; (3) Расположение клитик за глаголом, в конце предложения или после слова, на котором сделан логический акцент; (4) Расположение возвратной клитики *se* непосредственно рядом с глаголом (Zorko 1995a: 143–144; 338).

Между тем примеры, которыми З. Зорко иллюстрирует свои наблюдения, и записи диалектов, приведенные исследовательницей, демонстрируют

гораздо более широкий спектр синтаксических особенностей, которые требуют более дробной классификации и будут рассмотрены в настоящей статье.

Нами исследован материал всех шести диалектов группы, а также краньскогорского субдиалекта зильского диалекта и переходных каринтийских говоров – подъюнско-межицкого (д. Шентанел, д. Стройна, Словения) и рожанско-подъюнского (полянского) говора (д. Радише, Австрия).

Мы привлекли не только записи диалектов, выполненные профессиональными диалектологами в общепринятой фонетической транскрипции (Logar 1975, Zorko 1995a, Zorko 2009, Zagernik 2001, Maurer-Lausegger 1999), но и издания книги серии Glasovi (Glasenčnik 1998, Piko 1996, Repanšek 1995), и любительские записи диалектной речи, зачастую являющиеся результатом интроспекции самих носителей – популяризаторов родного идиома. Это, как правило, художественные тексты (авторские или в авторской обработке) развлекательного характера, составленные каринтийскими словенцами-нелингвистами, живущими в Австрии, и публикуемые в популярных изданиях (Ogris 2014, Košir 1997). Так как основная аудитория подобных изданий – носители местных диалектов, для удобства читателей тексты записываются в упрощенной транскрипции, причем единой системы транскрибирования не существует. К подобного рода изданиям можно отнести и вкладыши к компакт-дискам с детскими сказками на зильском, рожанском и подъюнском диалектах, изданных в 2011–2012 гг. Христианским культурным союзом (Křšćanska kulturna zveza, Клагенфурт, Австрия) в рамках акции «Slovenščina v družini / Familiensprache Slowenisch». Дополнительным источником послужили записи литературной речи каринтийских словенцев (в орфографии), сделанные мною во время поездок в австрийскую Каринтию в 2014 г.

Общий объем обработанных диалектных текстов составил 492 страницы. Описание каринтийской системы клитик в большинстве случаев иллюстрируется примерами из полянского говора (д. Радише, Австрия), взятыми из (Ogris 2014) с сохранением орфографии источника. Перевод на словенский литературный язык приводится по источнику с пометой «ЛЯ».

При анализе каринтийской системы клитик мы пользовались статистическим методом. Для большей части исследуемых явлений подсчитывается отношение количества примеров к количеству контекстов потенциального появления примера *для конкретного диалекта* на материале реально обработанных страниц в процентном выражении.

При описании употребления полных форм местоимений в функции кратких, частицы *ja*, пропуска форм Praes глагола *biti* приводится таблица, в которой для каждого диалекта последовательно указаны: (1) абсолютное количество примеров явления на всем материале; (2) количество примеров на условных 100 страницах материала. Для расчета этого показателя число из п. 1 умножается на коэффициент – отношение 100 страниц к реально обработанному количеству страниц. Получившееся число округляется до целого. (3) процентное отношение числа из п. 2 для каждого диалекта к сумме чисел из п. 2 по всем диалектам. Показатель процента округляется до первой цифры после запятой.

Это обусловлено тем, что материал различных диалектов представлен различным количеством страниц, так что простой подсчет частотности исследуемых явлений по всем диалектам не показателен. Несмотря на то, что сопоставляемые величины из расчета на 100 страниц в значительной мере абстрактны, именно они демонстрируют действительную частотность явления в каждом диалекте.

Кластер клитик современного словенского литературного языка представляет собой следующую последовательность: *Aux.Praes (кроме 3Sg) / Conj – Refl.Dat – Refl.Acc – Pron.Dat. – Pron.Acc. – Pron.Gen – Aux.Praes.3Sg / Aux.Fut.*

Большая часть форм Praes глагола *biti* и клитика *Conj* занимают позицию в абсолютном начале кластера, что соответствует вершине предложения в правоветвящихся языках, а формы *Fut* и *3Sg Praes* глагола *biti* располагаются в самом конце кластера. Эта несимметричная система реализует кодифицированную переходную стадию формирования кластера.

Новые ваккернагелевские (фразовые) клитики, возникающие в языке, присоединяются к кластеру сзади, формируя последний ранг. Это связано с тем, что клитики в кластере образуют такую же строгую последовательность, как морфемы в слове (Зализняк 2008: 47).

Глагольные клитики будущего времени – самые поздние сентенциальные клитики в словенском языке. Сформировавшись из полноударных форм будущего времени *bodem*, *bodeš*, *bode*, клитики будущего времени встали в самом конце кластера.

На востоке Словении (штирийская и паннонская группы диалектов) подъем клитик будущего времени в начало кластера – давний и системный процесс. Он традиционно объясняется в словенистике просодическими причинами – образованием из полноударных форм *bodem*, *bode* при утрате вокального элемента иног, чем в литературном языке, типа

редуцированных, всегда безударных форм (1Sg 'n, 3Sg *dä*) (Murko 1891: 42–43, Zorko 1992: 472).

В центральнословенских говорах этот процесс идет в настоящее время, проникая в последние десятилетия и в литературный язык жителей Любляны (Громова 2014: 343); западные диалекты им еще не затронуты.

Диалектные системы клитик демонстрируют тот или иной этап формирования полностью симметричной системы: собиране всех клитик в кластер, выстраивание ранговой иерархии.

Ниже рассмотрены некоторые особенности расположения сентенциальных (глагольных и местоименных) клитик в каринтийской группе диалектов. Диалекты Каринтии с этой точки зрения исследуются впервые.

ПОДЪЕМ ГЛАГОЛЬНОЙ КЛИТИКИ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В НАЧАЛО КЛАСТЕРА

Подъем глагольной клитики будущего времени в начало кластера отмечается в 10% всех употреблений (22 из 226 случаев соседства в кластере клитики будущего времени с местоименными / возвратными клитиками) и распределяется по диалектам следующим образом:

диалект	частотность	в %
зильский	4/16	25%
• краньскогорский субдиалект	0/23	–
рожанский	2/24	8%
• рожанско-подъюнский	1/22	4%
подъюнский	4/32	12%
• подъюнско-межицкий	1/6	16%
межицкий	4/75	5%
обирский	0/9	–
севернопохорско-ремшникский	6/21	29%
ВСЕГО	22/227	10%

Чаще всего данный процесс наблюдается в пограничных диалектах группы – севернопохорско-ремшникском и зильском (29% и 25% соответственно); в краньскогорском говоре и обирском диалекте не представлен.

В профессиональных и полупрофессиональных записях диалектной речи формы будущего времени глагола *biti* встречаются крайне редко, что затрудняет получение объективных статистических данных. Тем не менее, имеющийся материал позволяет предположить, что подъем

клитики будущего времени представляет в каринтийских говорах хоть и медленный, но живой процесс:

Viaš kaj, jaz koj čakam, da bojə nama prapovelə jazlat, posebnə še po cajtinžah. (полянский говор, д. Радише, Австрия)

ЛЯ: *Veš kaj, jaz samo čakam, da nama bodo prepovedali jezikanje, zlasti še po časopisu.*

Этот вывод подтверждается и частотностью данного явления в литературной речи образованных каринтийских словенцев:

Vom vam povedal.

Otroci govorijo slovensko, ker vedo, da bodo jih na ta način razumeli.

СПОРАДИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ ФОРМЫ 3SG PRAES ГЛАГОЛА BITI В НАЧАЛО КЛАСТЕРА

Спорадический подъем формы 3Sg Praes глагола biti в начало кластера реализует ту же тенденцию к выравниванию кластера и выстраиванию всех глагольных клитик в его начале:

Pa zvičajə, kaj je nas adən bleknu. (полянский говор, д. Радише, Австрия)

ЛЯ: *Pa zvedo, kaj nas je eden bleknil.*

Это явление встречается в отдельных диалектах южнославянских языков, впрочем, нигде не переходя в разряд системных. Несмотря на то, что оно зафиксировано во всех диалектах каринтийской группы, его низкая частотность также не позволяет говорить о системности:

диалект	частотность	в %
зильский	7/19	37%
• краньскогорский субдиалект	287/363	79%
рожанский	4/82	5%
• рожанско-подъюнский	1/125	<1%
подъюнский	2/151	1%
• подъюнско-межицкий	1/67	1%
межицкий	7/721	1%
обирский	4/99	4%
севернопохорско-ремшникский	8/93	9%
ВСЕГО	321/1720	19%
ВСЕГО (исключая краньскогорский субдиалект)	34/1357	2%

Процесс подъема формы 3Sg Praes глагола *biti* частотнее всего в пограничных западных диалектах группы, – зильском диалекте (37%) и краньскогорском субдиалекте (79%); на востоке севернопохорско-ремшникский диалект демонстрирует 9%. В центральных диалектах группы частотность явления не превышает 5%.

Особо выделяется краньскогорский субдиалект, где подъем данной клитики встречается в 79% всех ее употреблений с местоименными / возвратными клитиками (Гозд Мартулек – в 81%, при 2% в среднем по остальным диалектам) и представляет стройную систему – клитика Praes 3Sg *je* поднимается из-за клитики 3Pl Acc *jih* только в 15% случаев (7 из 48 сочетаний), в то время как в сочетании с клитикой 3Pl Dat *jim* и всеми остальными формами местоименных клитик, а также возвратными клитиками она встает на первый ранг в 90–91% всех употреблений:

	Гозд Мартулек		Краньска Гора	ВСЕГО	
<i>je + se / ga / mu / jo / ji / nas...</i>	266/289	92%	2/7	268/296	91%
<i>je + 3Pl Dat jim</i>	18/20	90%	–	18/20	90%
<i>je + 3Pl Acc jih</i>	7/45	16%	0/3	7/48	15%
ВСЕГО	285/351	81%	2/10	287/363	79%

Как можно заметить, такой «перекос» статистики идет за счет говора Гозд Мартулька, представленного в сборнике автобиографических и этнографических текстов Станко Кошира (Košir 1997). Материал сборника резко выделяется из остальных источников по частотности особенностей расположения сентенциальных клитик. Имеет смысл сопоставить данные краньскогорского источника с синтаксисом соседних гореньских диалектных текстов.

ПРОПУСК ФОРМ PRAES ГЛАГОЛА *VITI*

Пропуск форм Praes глагола *biti* – вспомогательного глагола в формах перфекта – отмечается во всех диалектах каринтийской группы в единичных случаях, чаще всего в пограничном севернопохорско-ремшникском диалекте (45%) и центральном подьонском, реже всего – в межицком (1%). В краньскогорском субдиалекте, а также в переходных рожанско-подьонском и подьонско-межицком говорах не отмечен.

диалект	всего	на 100 с.	%
зильский	3	15	10,50%
• краньскогорский субдиалект	–	–	–
рожанский	6	21	14,50%
• рожанско-подьонский	–	–	–
подьонский	13	26	18,50%
• подьонско-межицкий	–	–	–
межицкий	2	1	1%
обирский	4	15	10,50%
севернопохорско-ремшникский	16	64	45%
ВСЕГО	44		
среднее по группе диалектов		9	

'Ta:m pa je 'stɔ:lɑ nɔ tɔkɑ 'bi:elɑ 'zɛ:nskɑ. Pa 'jɛ:nɛ 'cɔ:te o'zi:emalɑ, ko je za'ɕɛ:lo s'vi:tat. (севернопохорско-ремшникский диалект, д. Капла)

Veš, kaj še po pražu, da j nam luštno blo, nam mladem ladem? (обирский диалект, д. Железна Капла)

ОТСУТСТВИЕ ПОДЪЕМА КЛИТИКИ CONJ *bi* В НАЧАЛО КЛАСТЕРА

В словенском литературном языке клитика *bi* как носитель предикативности утвердилась в начале кластера наряду клитическими формами Praes глагола *biti*.

А. А. Зализняк на материале древнерусского языка относит показатель сослагательного наклонения частицу *by*, развившуюся из словоформы 3Sg аориста, к «молодым» энклитикам, и демонстрирует неустойчивость ее энклитического статуса, приводя примеры полноударного употребления частицы *by* в древнерусских текстах (Зализняк 2008: 32–33). Логично предположить, что в словенском языке частица *bi*, первоначально присоединившись к концу кластера, прошла тот же путь, что и формы Praes глагола *biti*, – из конца кластера в его начало.

В каринтийских диалектах этот процесс, как видно, еще не полностью завершился – в 4% всех употреблений с местоименными / возвратными клитиками (8 из 222 примеров) клитика *bi* стоит в конце кластера:

Ʒni vedu, na Ʒtiarə Ʒraj se bə obrnu. (полянский говор, д. Радише, Австрия)

ЛЯ: *Ni vedel, na katero stran bi se obrnil.*

Различные каринтийские диалекты демонстрируют значительные отличия в частотности этого явления. Так, чаще всего – в половине всех

примеров – оно отмечается в подьюнско-межицком говоре и обирском диалекте. Скорее всего, столь высокая частотность обусловлена небольшим количеством примеров показательных кластеров. В подьюнском и севернопохорско-ремшникском диалектах, а также в краньскогорском субдиалекте явление не зафиксировано вовсе – все употребления клитики *bi* свидетельствуют о завершившемся процессе ее подъема в начало кластера. (Reranšek 1995) на материале 100 употреблений в межицком диалекте (почти половина всех каринтийских примеров) дает всего 2 случая расположения *bi* в конце кластера (не исключено, впрочем, что это является результатом редакторской правки синтаксиса диалектных текстов):

диалект	частотность	в %
зильский	–	–
• краньскогорский субдиалект	0/42	0%
рожанский	1/8	11%
• рожанско-подьюнский	2/36	5%
подьюнский	0/10	0%
• подьюнско-межицкий	2/4	50%
межицкий	2/100	2%
обирский	1/2	50%
севернопохорско-ремшникский	0/20	0%
ВСЕГО	8/222	4%

Эта яркая черта проникает и в литературную речь образованных каринтийских словенцев:

Pravzaprav, predvsem za to, da se bi otrok šotal v dvojezičnem okolju.

Отметим, что в спонтанной литературной речи носителей других диалектов такого порядка слов мы не слышали ни разу.

ОТРИЦАНИЕ ТИПА *VI... NE + L-PTC*

Как и в словенском литературном языке, в каринтийских диалектах при отрицании употребляются интонационно слитные отрицательные формы глагола *biti*: парокситонические формы Praes *nisem, nisi* и окситонические формы Fut *ne bom, ne boš* (в отличие, например, от диалектов паннонской группы, где преобладает отрицательная конструкция типа *sem ne + l-PTC* при литературной норме *nisem l-PTC*). Вариативность же наблюдается в отрицательных конструкциях с глаголами в форме сослагательного наклонения. Всего в 40% случаев проклитика *ne* и клитика *bi*

образуют слитную парокситоническую форму *ne bi*, соответствующую узусу центральнословенских диалектов и литературной норме:

Možhanā tudā, al hočāš, da se k̄na bā s̄cisilā. (полянский говор, д. Радише, Австрия)

ЛЯ: *Možgani tudi, če nočeš, da bi se skisali.*

В 60% всех примеров частица *bi* остается в составе кластера, а отрицательная частица *ne* располагается непосредственно перед *l*-причастием:

A ha šk̄arbi, da bā p̄r nas cveč hvavnā k̄na bāla? (полянский говор, д. Радише, Австрия)

ЛЯ: *Se boji, da bi bili pri nas preveč nasilni?*

Всего в одном случае из 72 частица *ne*, функционирующая отдельно от частицы *bi*, располагается в дистантной препозиции к *l*-причастию, будучи отделена от него наречием *koj naprej* 'постоянно':

Jaz žinjam, da bā še kača druha zabita buča nucava tačā pomuč, da bā se k̄na koj naprej trkava s kuam, za karkej nač. (полянский говор, д. Радише, Австрия)

ЛЯ: *Mislim, da bi še kaka druga trmasta glava rabila tako pomoč, da se ne bi kar naprej bodla s kom, za prazen nič.*

Два варианта отрицания – *bi ...ne + l*-РТС и *ne bi + l*-РТС – зачастую соседствуют в пределах одного предложения:

Al na Radāšah kanala k̄na bā duābāla, bā tā noviha britafa tudā nčā vni. (полянский говор, д. Радише, Австрия)

ЛЯ: *Če na Radišah ne bi dobili kanala, tudi novega pokopališča ne bi bilo.*

Тип отрицания *bi ...ne + l*-РТС – одна из характерных черт диалектного синтаксиса, проникающая в литературную речь каринтийских словенцев:

Jaz bi v nemščini ne napisala Tanzboden.

Это архаичный тип отрицания, представленный в протестантских памятниках XVI в. Он бытует также в современных западно- и восточнословенских диалектах (Zuljan Kumar 2008: 130, Murko 1892: 73).

Можно проследить некоторое убывание архаичного типа отрицания с запада на восток каринтийской группы диалектов и замещение «новой» отрицательной конструкции, бытующей в словенском литературном языке:

диалект	частотность	в %
зильский	1/1	100%
• краньскогорский субдиалект	25/25	100%
рожанский	3/3	100%
• рожанско-подъюнский	13/36	36%
подъюнский	7/15	47%
• подъюнско-межицкий	—	—
межицкий	15/24	38%
обирский	5/5	100%
севернопохорско-ремшникский	3/10	30%
ВСЕГО	72/119	60%

ПОЛНЫЕ ФОРМЫ МЕСТОИМЕНИЙ В ФУНКЦИИ КРАТКИХ

В словенском литературном языке имеется строгое функциональное разграничение полных (ударных) и кратких (клитических) форм личных и возвратных местоимений, причем маркированным членом оппозиции являются полные формы. В то же время восточнословенские диалекты допускают употребление полных форм без логического акцента на местоимении, который в литературном языке является необходимым условием употребления полноударной формы местоимения вместо клитической. Кроме региональных вариаций, обусловленных диалектными отличиями, в неформальной речи жителей крупных словенских городов часто используются полные формы там, где можно было ожидать появления кратких:

Jest sem teb' že reku, de ti mene zajebavaš.

Это объясняется скорее характерным для разговорной неформальной речи стремлением усилить каждый элемент предложения – этим же обусловлено последовательное появление форм Nom личных местоимений (*jest, ti*), обычно эллиптируемых (Dvořák 2007: 228).

Во всех каринтийских диалектах нами отмечено употребление полных форм дательного падежа местоимений третьего лица в функции кратких, обычно в составе кластера клитик. Чаще используется форма Dat 3Sg *m njetu* (вместо *mu*), в единичных случаях – Dat 3Sg *f njej* (вместо *ji*). Таким образом, форма Dat 3Sg занимает промежуточный статус – синтаксически она функционирует как клитика, а просодически является ударной словоформой:

Anbart njomə je ukazava, da more na pišije merkat, da jəh habəh kna bə odnesu.
(полянский говор, д. Радише, Австрия)

ЛЯ: *Nekoč mu je ukazala, da naj pazi na piščeta, da jih jastreb ne bi odnesel.*

Как и иные местоименные клитики, полная форма Dat 3Sg в функции краткой может располагаться в контактной постпозиции к l-частицу:

'ča?, 'ʔaʔ je ré:ʔu má:mə, ʔə sə má:ma ré:ʔlə 'jomə, a 'či te srà:m, sʊoʔə žùà:xtə 'taʔ zani:čʊat. (рожанский диалект, Клагенфуртская котловина)

ЛЯ: *čakaj, kako je rekel mami, ko so mama rekli mu, a te ni nič sram, svoje sorodstvo tako zaničevat.*

Возможно, в каринтийских диалектах до сих пор не завершилось функциональное расподобление полных и кратких форм прямых падежей третьеличных местоимений. Их формальная схожесть (так, краткая форма Dat 3Sg *m jomə*, в отличие от соответствующей формы в литературном языке, двусложна, а краткие формы Dat 3Sg отличаются от полных только отсутствием протетического *n-*) позволяет предположить, что формирование клитики Dat 3Sg *m* проходило позднее и медленнее, чем в литературном языке. Вероятно, тормозящим фактором здесь явилось влияние немецкого литературного языка или южнобаварского диалекта.

Также можно предположить, что краткая форма личного местоимения двусложна.

Наиболее часто полноударная форма Dat 3Sg в функции краткой встречается в рожанском диалекте, входящем в ядро каринтийской группы (60,5%); за ним следует рожанско-подьюнский говор (15%). Не отмечается в подьюнско-межицком говоре и краньскогорском субдиалекте.

	DatSg3			Acc/GenSg3		
	всего	на 100 с.	%	всего	на 100 с.	%
зильский	1	5	3%	–	–	–
• краньскогорский субдиалект	–	–	–	–	–	–
рожанский	26	90	60,50%	–	–	–
• рожанско-подьюнский	19	22	15%	1	1	4%
подьюнский	3	6	4,50%	2	4	13,50%
• подьюнско-межицкий	–	–	–	–	–	–
межицкий	4	2	1,50%	10	6	19,50%
обирский	5	18	12,50%	4	15	49,50%
севернопохорско-ремшникский	1	4	3%	1	4	13,50%
ВСЕГО	58			18		
среднее по группе диалектов		12			4	

Употребление полных форм личных местоимений вместо кратких отмечено нами и в литературной речи образованных каринтийских словенцев:

V petek je v Celovcu, je meni rekel.

В три раза реже в каринтийских диалектах встречаются полные формы Acc и Gen личных местоимений ед. ч. в функции кратких. Наибольшая частотность отмечена в соседних обирском (49,5%) и межицском (19,5%) диалектах. Как и полноударная форма Dat 3Sg, эти формы не зафиксированы в подбюонско-межицском говоре и краньскогорском субдиалекте, а также в рожанском и зильском диалектах.

В отличие от полных форм Dat, в данном употреблении преобладает местоимение 1 лица (Acc *Samo ne vem, zaká máne zmir na anmo krajo ták opominja; se je mán odmaknavo; to je mán strašivo!; Máne ták peče, da ne morn prestat!; Gen *Strah máne ni bvo in sn šov dovta*); местоимение 2 лица встречается один раз (Acc *pa se tábe ustrašvo*), а третьеличное местоимение – только 2 раза из 18 (Acc *ko smo 'je:ga od 'du:əma 'nesli; Gen *Po tástmo pa naša mama nəga ni več vidva*).**

Как и формы DatSg m, полные формы Acc и Gen личных местоимений в функции кратких могут располагаться вне кластера, не являясь клитиками ни синтаксически, ни просодически:

Ták je taj mene lovivo; Pa ne, da je máne prej unəsvo. (межицкий диалект)

МОДАЛЬНАЯ ЧАСТИЦА JA В СОСТАВЕ КЛАСТЕРА

Во всех каринтийских диалектах регулярно встречается модальная частица *ja*, в 97% употреблений функционирующая, как и частица *pa*, в составе кластера. Находясь в кластере с другими клитиками, она, как правило, занимает в нем последнее место (48% всех употреблений), лишь изредка поднимаясь в его начало (2% всех употреблений):

Mi: smə ja mò:rlj pərhó:de dá:uat! (рожанский диалект, Клагенфуртская котловина)

ЛЯ: *Mi smo pa morali prihode (davke) dajat!*

При отсутствии в кластере иных клитик частица *ja* располагается в вакернагелевской позиции (31% всех примеров) или в абсолютном начале предложения в качестве проклитики (16% примеров), что, впрочем, не ставит под сомнение ее статус кластеризуемой клитики, так как в ка-

ринтийских диалектах кластер клитик регулярно располагается в абсолютном начале предложения:

Vinske ceste pār nas ja k̄na morēš naredāt. Mi ja k̄nemamē vina, mošta pa tudē škorā nāč več; A ti varjemaš? Ja k̄nisē taķa tronta! (полянский говор, д. Радише, Австрия)

ЛЯ: *Vinske ceste pri nas ne moreš narediti. Mi nimamo vina in mošta tudi skoraj nič več; A ti verjameš? Pa ja nisi taka neumnica!*

Только в пяти случаях из 165 (3% всех примеров) она находится в позициях, не предусмотренных для синтаксических клитик.

Чаще всего частица *ja* отмечается в рожанском диалекте (21%) и рожанско-подъюнском говоре (21%), реже всего – в межицком диалекте (1,5%).

ВСЕГО			в конце кластера			в Ваккернагелевской позиции			в начале кластера			в абсолютном начале предложения			не в кластере		
всего	на 100 с.	%	всего	на 100 с.	%	всего	на 100 с.	%	всего	на 100 с.	%	всего	на 100 с.	%	всего	на 100 с.	%
12	60	15,50%	5	25	42%	3	15	25%	–	–	–	3	15	25%	1	5	8%
7	10	2,50%	2	3	29%	1	1	14%	–	–	–	–	–	–	4	6	57%
24	83	21%	9	31	38%	7	24	29%	–	–	–	8	28	33%	–	–	–
65	81	21%	31	39	48%	30	37	46%	1	1	1%	3	4	5%	–	–	–
16	32	8%	12	24	75%	2	4	12,50%	–	–	–	2	4	12,50%	–	–	–
2	9	2,50%	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	9	100%	–	–	–
11	6	1,50%	7	4	64%	2	1	18%	–	–	–	1	0,5	9%	1	0,5	9%
12	44	11,50%	4	15	33%	3	11	25%	2	7	17%	3	11	25%	–	–	–
16	64	16,50%	9	36	56%	3	12	19%	–	–	–	4	16	25%	–	–	–
165			79		48%	51		31%	3		2%	26		16%	5		3%
	33			16			10			1			5			1	

Семантически ближайшим соответствием частице *ja* в литературном словенском языке являются частица *ja*² (в терминологии SSKJ – наречие, с пометой «разг.») в первом словарном значении ‘но, однако, всё же’: *jurček je pa ja ena najboljših gob; svoj klobuk bom pa ja poznal*, иногда с усилением: *pa se tenda ja ne prepirata*, и частица *ja* (в терминологии SSKJ – наречие, с пометой «разг.») в первом словарном значении ‘однако, всё же’ (с оттенком разочарования, нетерпения): *ja nehaj se že hvaliti; ja zakaj še nisi napravljena? ja daj si no dopovedati*. Как можно заметить, обе частицы не являются ваккернагелевскими энклитиками: первая располагается ниже кластера, вторая – в абсолютном начале предложения (SSKJ 2000: 353).

Частица *ja* в значении ‘но, однако, всё же’ отмечена в языке протестантских писателей XVI в. (Bezljaj 1977: 215):

ja jeft veim; jeft fem ia en grefhnik; Iesus je odgovoril, inu je djal k'nym: Elias ima ja poprej priti, inu vje na pravu obèrniti (Мф. 17: 11); *Ta pak, kir Seuzu feme daje, ta bo ja tudi kruh k' jedi dajal* (2 Кор. 9: 10); *my fmo ia vezh koker* (Trubar), *Ja bodi timu taku* (Dalmatin).

В значении ‘даже’ зафиксирована в проповедях Янеза Светокрижского, где является заимствованием из нем. *ja* ‘даже, ведь’ (Snoj 2006: 334):

Nepameten gvishnu fi ti zhlovek, de s' en krivizhin dobizhik, s' en Smerdlivi lusht, ja sa taifti greh, sa kateriga dobru veish, nebesku Krajlestvu sapuštish | Ia cilu njih ozheta Nebeshkiga fe nefhonažo, temuzh stukrat na en dan ga reshajlo.

(Gutsmann 1789) дает широкий набор значений *ja*: *Ja, ja fai* ‘jadoch’ (однако), *bo ja* ‘vertmuthlich’ (предположительно, вероятно), *ja* ‘freylich’ (конечно, однако, правда).

Франце Безлай считает словен. *ja* заимствованием из средневерхненем. и древневерхненем. *ja* ‘действительно, в самом деле’, готск. *ja, jai* ‘в самом деле’ (Bezljaj 1977: 215). В современном немецком литературном языке модальная частица *ja* имеет широчайший спектр значений, среди которых ‘ведь’ (*doch*), ‘действительно, в самом деле’ (*wirklich, tatsächlich*), ‘действительно’ (*zwar*), ‘безусловно’ (*auf jeden Fall*) – значения 3а, 3б, 3с, 4 в (Duden 1988: 389).

Следовательно, немецкая модальная частица *ja* была заимствована в словенском языке повсеместно не позже XVI вв. и в XVIII в. использовалась во всем спектре значений, присущих ей в немецком языке, однако к XX в. в словенском литературном языке сохранила только значение ‘но, однако, всё же’ с оттенком экспрессивности; синтаксически не является ваккернагелевской клитикой.

В каринтийских же диалектах – ярко выраженной словено-немецкой контактной зоне, в отличие от остальных диалектных групп, не вышедшей из-под влияния немецкого языка, – частица *ja* сохраняет первоначальный набор значений, причем одним из основных, как и в современном литературном немецком языке, является значение ‘ведь’. Синтаксически модальная частица стала частью кластера, причем в отличие от частицы *ra*, не имеющей фиксированного места в кластере и свободно перемещающейся по нему, мобильность частицы *ja* сильно ограничена – в 96% случаев она занимает в кластере последний ранг, что характеризует ее как клитику позднего происхождения.

КЛАСТЕР В АБСОЛЮТНОМ НАЧАЛЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В каринтийских диалектах, как и в словенском литературном языке, основным местом расположения глагольных и местоименных клитик в предложении является позиция после первой составляющей, не разрывая ее:

Hvava me je pole cale tri dni boleva. (полянский говор, д. Радише, Австрия)

ЛЯ: *Glava me je nato bolela cele tri dni.*

Но кластеризуемые клитики могут располагаться и в абсолютном начале предложения, что расходится с литературной нормой. Процент проклитического положения кластера клитик колеблется от 1% в крањскогорском субдиалекте до 32% в зильском и подъюнском диалектах, составляя в среднем по группе диалектов 19% (22% за вычетом записей крањскогорского субдиалекта, в которых, возможно, автором намеренно занижено количество проклитических кластеров):

диалект	частотность	в %
зильский	79/247	32%
• крањскогорский субдиалект	19/1588	1%
рожанский	248/985	25%
• рожанско-подъюнский	216/982	22%
подъюнский	331/1032	32%
• подъюнско-межицкий	26/241	11%
межицкий	833/4600	18%
обирский	152/547	28%
севернопохорско-ремшникский	169/586	29%
ВСЕГО	2073/10808	19%
ВСЕГО (исключая крањскогорский субдиалект)	2054/9220	22%

В абсолютном начале предложения могут располагаться как глагольные, так и местоименные клитики; ограничений на количество клитик в кластере при проклитическом употреблении нет – в этой позиции нами отмечено до четырех клитик:

Se ta bo tak zhuaduvā qa pa uānomā Pretālnā. (полянский говор, д. Радише, Австрия)

ЛЯ: *Se ti bo godilo tako kot onemu Pretelnu.*

Приглагольное положение местоименных и возвратных клитик

В каринтийских диалектах местоименные и возвратные клитики могут располагаться в контактной пре- или постпозиции: (1) к однословному простому глагольному сказуемому (ПГС) в форме Praes; (2) к носителю лексического значения в аналитическом ПГС – *l*-причастию; (3) к носителю лексического значения во вспомогательной части составного глагольного сказуемого (СГС) – *l*-причастию, форме Praes; (4) к основной части СГС (инфинитиву, супину).

диалект	ПГС / часть СГС									ПГС			часть СГС					
	<i>l</i> -РТС									Praes			Inf/Sup					
	препозиция			постпозиция			контактная			контактная			контактная					
	контактная			дистантная			контактная			постпозиция			препозиция			постпозиция		
всего	на 100 с.	%	всего	на 100 с.	%	всего	на 100 с.	%	всего	на 100 с.	%	всего	на 100 с.	%	всего	на 100 с.	%	
зильский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	5	7%	
• краньскогорский субдиалект	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	2%	
рожанский	3	10	6%	1	3	6,50%	112	386	59%	8	27	63,50%	–	–	–	10	34	49,50%
• рожанско-подьонский	–	–	–	–	–	–	24	30	4,50%	3	4	8,50%	1	1	6%	2	2	3,50%
подьонский	20	40	22%	8	16	29,50%	21	42	6,50%	–	–	–	1	2	10%	3	6	9%
• подьонско-межицкий	9	43	24%	–	–	–	5	24	3,50%	–	–	–	1	5	23%	–	–	–
межицкий	8	5	2,50%	–	–	–	22	13	2%	–	–	–	2	1	5,50%	2	1	1,50%
обирский	9	33	18,50%	4	15	27%	22	81	12,50%	–	–	–	2	7	36%	3	11	16%
севернопохорско-ремшникский	12	48	27%	5	20	37%	20	80	12%	3	12	28%	1	4	19,50%	2	8	11,50%
ВСЕГО	61			18			226			14			8		24			
среднее по группе диалектов		12			4			46			3			2			5	

Контактная постпозиция местоименных и возвратных клитик ко всем указанным формам глагола (*l*-причастию, Praes, Inf / Sup) наиболее частотна в центральном рожанском диалекте; еще одна зона высокой частотности данного явления – восточная граница группы (обирский и севернопохорско-ремшникский диалекты).

Препозиция местоименных и возвратных клитик представлена контактной препозицией к *l*-причастию и Inf / Sup, а также дистантной препозицией к *l*-причастию, при которой клитика отделена от *l*-причастия группой наречия (обстоятельством) или именной группой (дополнением), относящейся к сказуемому. Чаще всего препозиция встречается на востоке группы – в обирском и севернопохорско-ремшникском диалектах;

также она частотна в подбюонском диалекте и подбюонско-межицском говоре.

Западная граница группы (зильский диалект и краньскогорский субдиалект) демонстрирует почти полное отсутствие приглагольного положения местоименных клитик.

Чаще всего встречается контактное положение клитик при *l*-причастии:

Ā:ti sã pa ré:ʔlã: «ʔo pójɔ sɛ:mʔa z mĩ:ze, bom pãrʔá:zu tã, ʔi:r je močnè:jšã! Ti: 'doma ʔ sã há:ru se, pa dó:rã jì:ãdu, bol 'jaz tam, u žò:ɥtã, ʔã sãm – jé:stã čí:sãm 'moɥ.»
(рожанский диалект, Клагенфуртская котловина)

Ati je rekel: «Pridi izza mize, bom pokazal ti, kdo je močnejši! Ti, ki si doma se gonil, pa dobro jedel, ali jaz, ki sem bil v vojni, pa še jesti nisem imel.»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ порядка слов всех диалектов каринтийской группы показал следующие характерные особенности расположения синтаксических клитик: (1) подъем форм Fut и 3Sg Praes глагола *biti* в начало кластера (*je se zbudil, boš ga videl*), являющийся логическим продолжением общеюжнославянской тенденции к подъему всех глагольных клитик в вершину предложения; (2) пропуск форм Praes глагола *biti*; (3) отрицание при Conj *bi ...ne + l-PTC* (при литературном *ne bi l-PTC*); (4) частица *ja* в составе кластера клитик – общекаринтийская инновация; (5) полные функции личных местоимений в функции кратких в составе кластера; (6) кластер клитик в абсолютном начале простого предложения (до 4 клитик). (7) приглагольное расположение местоименных клитик.

Как видим, часть рассмотренных явлений архаична по отношению к современному словенскому литературному языку и центральным диалектам, часть же инновативна. Большая часть указанных особенностей порядка слов проявляется во всех диалектах группы, что характеризует ее как гомогенную в синтаксическом отношении.

В пределах каринтийской группы не выделяется зона, в которой все синтаксические особенности проявлялись бы с максимальной частотностью, что не позволяет говорить о наличии ярко выраженного центра синтаксических инноваций или зоны наибольшей архаичности.

ЛИТЕРАТУРА

- France BEZLAJ, 1977: *Etimološki slovar slovenskega jezika. Prva knjiga. A–J*. Ljubljana Mladinska knjiga.
- DUDEN, 1988: *Stilwörterbuch der deutschen Sprache: d. Verwendung d. Wörter im Satz. 7., völlig neu bearb. u. erw. Aufl.* Von Günther Drosdowski unter Mitarbeit der Dudenredaktion. Mannheim – Wien – Zürich (Der Duden in 10 Bänden Bd. 2).
- Boštjan DVOŘÁK, 2007: Slovenian Clitic Pronouns and What is so Special about Them. *Slovenski jezik – Slovene linguistic Studies* 6, 209–233.
- Igor GLASENČNIK, 1998: *Strah me je gratalo: od Ojstrice nad Dravogradom do Sv. Duha na Ostrem vrhu*. (Glasovi 17). Ljubljana: Kmečki glas.
- Oswald GUTSMANN, 1789: *Deutsch = windisches Wörterbuch mit einer Sammlung der verdeutschten windischen Stammwörter und einiger vorzüglichern abstammenden Wörter*. Klagenfurt.
- Stanko KOŠIR, 1997: *Pad Pečkamē, čer s'm gor' rastu. Pod Pečkami, kjer sem odraščal*. Gozd Martuljek: samozaložba.
- Tine LOGAR, 1975: *Slovenska narečja. Besedila*. Ur. Tine Logar. Ljubljana: Mladinska knjiga.
- Tine LOGAR, 1996a: Slovenski dialekti v zamejstvu. *Dialektološke in jezikovno-zgodovinske razprave*. Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni center SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša. 217–221.
- Tine LOGAR, 1996b: Slovenska koroška narečja v Avstriji. *Dialektološke in jezikovno-zgodovinske razprave*. Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni center SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša. 222–231.
- Herta MAURER-LAUSEGGER, 1999: *Orodje s koroških podstrešij. O saneh... / Über Schlitten...* Klagenfurt / Celovec.
- Matija MURKO, 1892: Enklitike v slovenščini. II. del: Skladnja. *Letopis Matice Slovenske za leto 1892*. Ur. Anton Bartel. Ljubljana: Matica Slovenska. 51–86.
- Tomaž OGRIS, 2014: *Vamprat pa Hana. Domišlice, čenče, šale, laži*. Klagenfurt / Celovec: Drava.
- Martina PIKO, 1996: *Iz semena pa bo lipa zrasla. Pravlice, storije in basmi s Koroške*. (Glasovi 14). Ljubljana: Kmečki glas.
- Marta REPANŠEK, 1995: *Bajže s Koroške*. (Glasovi 10). Ljubljana: Kmečki glas.
- Marko SNOJ, 2006: *Slovar jezika Janeza Svetokriškega. 1. knjiga. A–O*. Ljubljana: Založba ZRC.
- SSKJ, 2000: *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana: DZS.
- Tina ZAGERNIK, 2001: *Besedje koroškega delovnega običaja. Steleraja na Strojni. Diplomsko delo*. Ljubljana.

Zinka ZORKO, 1995a: *Narečna podoba Dravske doline*. (Zbirka Piramida, 3). Maribor: Kulturni forum.

Zinka ZORKO, 1998e: Besedni red v severovzhodnih slovenskih narečjih. *Haloško narečje in druge dialektološke študije*. (Zora 6). Maribor: Slavistično društvo Maribor. 225–233.

Zinka ZORKO, 2009: Podjanski govor Strojne na Koroškem. *Narečjeslovne razprave o koroških, štajerskih in panonskih govorih*. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 64). Maribor: Oddelek za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. 31–47.

Danila ZULJAN KUMAR, 2008: Besedni red v govorjenih slovenskih narečjih. *Škrabčeva misel VI: zbornik s simpozija 2007*. Ur. Jože Toporišič. Nova Gorica: Frančiškanski samostan Kostanjevica. 121–135.

M. M. ГРОМОВА, 2014: Особенности кластеризации клитик в современном словенском языке. *Славянский альманах 1–2*. 335–346.

A. A. ЗАЛИЗНЯК, 2008: *Древнерусские энклитики*. Москва: Языки славянских культур.

RAVA NASLONK V KOROŠKI NAREČNI SKUPINI

V članku so obravnavane naslednje skladenjske značilnosti zaimenskih in glagolskih naslonk v koroški narečni skupini: dvigovanje futuralnih oblik in oblik 3. os. ed. sed. pomožnika *biti* na začetku naslonskega niza (*je se zbudil, boš ga videl*); izpust sedanjške oblike pomožnika *biti*; zanikanje s pogojniško obliko *bi ...ne* + del. na *-l* (v knjižnem jeziku – *ne bi* + del. na *-l*); členek *ja* v naslonskem nizu, kar je splošno-koroška inovacija; dolge oblike osebnih zaimkov v vlogi kratkih kot del naslonskega niza; umeščanje naslonskega niza na absolutni začetek enostavčne povedi (kar 3–4 naslonke); stava zaimenskih naslonk pri glagolu. Nekatere izmed teh značilnosti so arhaične, nekatere pa so inovativne v primerjavi s sodobnim knjižnim jezikom in osrednjeslovenskimi narečji.

S pomočjo statistične metode je določena pogostost navedenih značilnosti besednega reda v vseh narečjih koroške skupine. Večina teh pojavov je značilnih za celotno koroško narečno skupino, kar kaže na njeno skladenjsko homogenost. Kljub temu pa v koroški narečni skupini ni mogoče določiti narečja, v katerem bi se vse (ali večina) raziskovane posebnosti dosledno izražale z največjo pogostostjo – to bi kazalo na središče skladenjskih inovacij ali na najbolj arhaično območje.